

КАТЕГОРИЯ «ЦЕЛЬ» В УГОЛОВНОМ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ IV РОССИЙСКОГО КОНГРЕССА
УГОЛОВНОГО ПРАВА
(28–29 МАЯ 2009 ГОДА)

Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор
В. С. Комиссаров

• ПРОСПЕКТ •

МОСКВА
2009

УДК 343.8/.9(06)
ББК 67.409+67.51
К29

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Редакционная коллегия:

Г. И. Богуш, канд. юрид. наук, асс.; О. Н. Ведерникова, д-р юрид. наук, проф.; М. Н. Голодюк, канд. юрид. наук, доц.; В. С. Комиссаров, д-р юрид. наук, проф.; В. П. Коняхин, д-р юрид. наук, проф.; О. В. Костылева, асс.; Л. Л. Кругликов, д-р юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ; Н. Е. Крылова, д-р юрид. наук, проф.; А. А. Матвеева, канд. юрид. наук, доц.; А. В. Наумов, д-р юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ; А. В. Пашковская, канд. юрид. наук, доц.; А. В. Серебrenникова, д-р юрид. наук, доц.; В. Г. Степанов-Егиянц, канд. юрид. наук, асс.; М. В. Феоctистов, канд. юрид. наук, доц.; П. А. Филиппов, канд. юрид. наук, доц.

Ответственный редактор — доктор юридических наук, профессор В. С. Комиссаров.

К29 Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы IV Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 28—29 мая 2009 г. — М.: Проспект, 2009. — 816 с.

ISBN 978-5-392-00864-3

Настоящее издание представляет собой сборник статей по материалам IV Российского Конгресса уголовного права «Категория "цель" в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии», проходившего на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 28—29 мая 2009 г.

Сборник включает статьи ведущих российских и зарубежных юристов — научных и практических работников, преподавателей высших учебных заведений Российской Федерации, стран СНГ и Балтии, других государств.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических факультетов и вузов, научных сотрудников и иных специалистов в области уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, а также всех интересующихся вопросами развития уголовного права.

УДК 343.8/.9(06)
ББК 67.409+67.51

© Коллектив авторов, 2009
© ООО «Проспект», оформление, 2009

промежуточных целей и путей, ведущих к основной цели, как правило, множество, все же их сравнительная ценность не одинакова. Она определяется, по крайней мере, тремя факторами: степенью сложности реализации промежуточных целей; мерой необходимых усилий для достижения; размером грозящей опасности¹.

В данном случае, поскольку рассматривается вопрос о постановке промежуточных целей применительно к реализации государственной политики противодействия криминальному банкротству, следует заметить, что не всегда учитываются и оцениваются названные факторы. Все это, в конечном счете, приводит к отрицательным результатам.

Тактическая цель государственной политики противодействия преступному банкротству — обеспечение экономической безопасности государства, а также защита прав и интересов кредиторов. Следует отметить, что обеспечение экономической безопасности — цель всех государственных и иных органов. Представляется, что достижение цели, которую ставит государство в процессе противодействия криминальному банкротству, возможно с помощью принудительных мер воздействия. В этой связи реализуемое в рамках государственной политики противодействия криминальному банкротству государственное принуждение ставит следующие цели: выявление противоправного поведения субъектов правоотношений; пресечение противоправного поведения и результата деятельности субъектов правоотношений; предупреждение противоправного поведения субъектов правоотношений; восстановление нарушенных прав и возмещение причиненного ущерба; наказание правонарушителя.

Функция государственной политики противодействия криминальному банкротству представляет собой правовое воздействие на общественные отношения в определенных направлениях, обусловливаемое целями государственной политики.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СТ. 105 УК РФ

Л. А. Кротова,

кандидат юридических наук, доцент
(Удмуртский государственный университет)

В теории права целесообразность определяется как «учет конкретных условий применения того или иного нормативно-правового акта, принятие во внимание специфики сложившейся ситуации в момент вынесения решения, выбор наиболее оптимального варианта реализации правовых требований в тех или конкретных обстоятельствах»²,

¹ См.: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: в 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 189.

² Общая теория государства и права / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. С. 318.

как «необходимость выбора строго в рамках закона наиболее оптимальных, отвечающих целям и задачам общества вариантов осуществления правотворческой и правореализующей деятельности (поведения)»¹.

На основе целесообразности строится как правотворческая, так и правоприменительная деятельность (в целом и в сфере уголовно-правового регулирования). Идея целесообразности определяет правовую природу ряда институтов Общей части УК РФ (ст. 73, 75, 76, 78, 79, 80–1, 90 УК РФ и др.) Соображениями целесообразности руководствуется законодатель, предусматривая в Особенной части УК РФ специальные основания освобождения от уголовной ответственности (примечания к ст. 127, 205, 291 УК РФ) и др.

В то же время в науке не без основания отмечается, что последняя (т. е. целесообразность), к сожалению, официального закрепления в правовых документах никогда не получала².

Тем не менее, следует признать, что решение проблем как теоретического, так и практического характера, в основе которых лежит неопределенность, неконкретность законодательных предписаний, осуществляется, исходя именно из принципа целесообразности, под которым в рамках теории уголовного права предлагается понимать «возможность создания, изменения и последующего применения положений уголовного закона, исходя из сложившихся в обществе социальных потребностей, а также с учетом существующих общеправовых принципов, задач и целей в строго установленных законодательных пределах»³.

Именно с позиции целесообразности представляется возможным рассмотреть проблему уголовно-правовой оценки действий лица, совершающего преступление в условиях фактической ошибки, касающейся признаков потерпевшей, в частности, применения п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

До недавнего времени эта проблема носила скорее доктринальный характер⁴. Однако Президиум Верховного Суда РФ, рассматривая конкретное уголовное дело в порядке надзорного производства, определил свою позицию по данному спорному вопросу, тем самым известным образом направив судебную практику. Если суд первой инстанции квалифицировал действия виновного по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ как покушение на причинение смерти потерпевшей, заведомо для виновного находящейся в состоя-

¹ Теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 213.

² Бавсун, М. В., Марцев, А. Целесообразность в уголовном праве // Правоведение. 2003. № 4. С. 97–99.

³ Там же. С. 97–99.

⁴ Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 74.

нии беременности, и умышленное причинение смерти потерпевшей, то высшая судебная инстанция удовлетворила представление заместителя Генерального прокурора РФ и исключила из осуждения ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Деля вывод о том, что квалификация действий осужденного как покушения на убийство была излишней, Президиум указал, во-первых, что, исходя из смысла ч. 2 ст. 17 УК РФ, содеянное осужденным не может рассматриваться как совокупность преступлений, ибо одни и те же действия суд квалифицировал и как убийство, и как покушение на убийство, т. е. по различным частям одной статьи УК РФ; во-вторых, умысел на лишение жизни потерпевшей был реализован, и в результате его действий наступила смерть потерпевшей¹.

В юридической литературе позиция Верховного Суда РФ по данной проблеме продолжает оцениваться как далеко небесспорная.

Предложено несколько вариантов квалификации действий лица, причинившего смерть потерпевшей и ошибочно полагавшего, что она находится в состоянии беременности: 1) по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ (вариант, оценке которому дана в постановлении Президиума Верховного Суда РФ); 2) по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ; 3) по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК; 4) по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Сторонники первой позиции считают необходимым учитывать одновременно как направленность умысла субъекта на убийство беременной женщины, так и наступившие правовые последствия в виде убийства женщины, таковой не являющейся². Следует отметить, что подобная уголовно-правовая оценка содеянного имеет под собой достаточно серьезное обоснование в виде абзаца 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», согласно которому убийство одного человека и покушение на убийство другого человека не может рассматриваться как оконченное преступление — убийство двух лиц. В таких случаях, независимо от последовательности преступных действий, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ³. В этом случае Пленум Верховного Суда РФ считает возможным содеянное рассматривать как совокупность преступлений (как убийство и как покушение на убийство), хотя одни и те же действия квалифицируются по различным частям одной статьи УК РФ (вопреки ч. 2 ст. 17 УК РФ).

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 362п04пр по делу Кайсина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1. С. 21.

² Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 2001. С. 84; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999. С. 228 и др.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 3.

В теории уголовного права неоднократно высказывались критические замечания относительно данных рекомендаций как противоречащих ч. 2 ст. 6 УК РФ, согласно которой «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление»¹.

Квалификация убийства женщины, ошибочно принятой за беременную, по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ обосновывается путем исключения возможности применения иных вариантов как еще более неточных².

Основу аргументов сторонников третьей позиции составляет направленность умысла субъекта на убийство беременной женщины, что в полной мере согласуется с принципом вины (ст. 5 УК РФ)³. А. И. Коробеев, учитывая сравнительную неточность различных вариантов квалификации, полагает, что следует выбрать наименьшее зло, которое представляется в виде оценки содеянного как покушения на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Такое решение соответствует принципу субъективного вменения. Ибо виновный ошибся в особенностях тех признаков потерпевшей, фактического воздействия на которые не было, следовательно, и вменять их нельзя, а значит и нельзя квалифицировать это деяние как оконченное преступление⁴. Аналогичный вариант решения поддерживает А. И. Рарог⁵.

Но, с другой стороны, как справедливо отмечается, расценивать это преступление как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, некорректно, поскольку смерть все же наступила⁶.

Применительно к последней позиции (а это официальная позиция Верховного Суда РФ), как правило, обращают внимание на игнорирование направленности умысла, поскольку он простирался на лишение жизни именно беременной женщины⁷. Хотя именно этот вариант решения многим исследователям представляется наиболее приемлемым в силу тех или иных причин. Так, А. Ситникова считает, что такой подход максимально учитывает реальные последствия, в большей мере выражает общественную опасность содеянного, чем содержание

¹ Кондрашова Т. В. Указ. соч. С. 55–56.

² Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб. 2003. С. 137.

³ Попов А. Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. СПб, 2003. С. 344–345; Наумов А. В. Практика применения уголовного кодекса Российской Федерации: судебная практика и доктринальное толкование. М., 2005. С. 217–218 и др.

⁴ Полный курс уголовного права.: В 5 т./ Под ред. А. И. Коробеева. Т. II. Преступления против личности. СПб., 2008. С. 190.

⁵ Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 183.

⁶ Полный курс уголовного права.: В 5 т./ Под ред. А. И. Коробеева. Т. II. Преступления против личности. СПб., 2008. С. 189.

⁷ Там же. С. 189.

и направленность умысла, о котором зачастую судят со слов преступника¹.

В итоге, как видим, ни один из приведенных вариантов решения данной проблемы не является безупречным.

Полагаем, что суд данное решение принял с учетом именно принципа целесообразности. Причем, как представляется, руководствуясь соответствующими его критериями, а именно: во-первых, целесообразность должна осуществляться в рамках законности; во-вторых, целесообразность должна быть обоснованной (должна вытекать из фактических условий конкретного случая); в-третьих, целесообразность должна соответствовать целям и задачам уголовного закона, целям и задачам уголовной политики государства².

Доводы суда относительно отсутствия совокупности преступлений в случае убийства женщины лицом, ошибочно полагавшим, что она находится в состоянии беременности, соответствуют закону (ч. 2 ст. 17 УК РФ).

С другой стороны, квалификация содеянного по ч. 1 ст. 105 УК РФ противоречит положениям ст. 5 УК РФ, т. е. принципу субъективного вменения. В итоге складывается тупиковая ситуация, которая объективно не может быть разрешена лишь на основе принципа законности, ибо возникает коллизия между двумя уголовно-правовыми нормами, имеющим общий характер: ч. 2 ст. 17 и ст. 5 УК РФ. Можно преодолеть данную коллизию путем изменения понятия «совокупности преступлений» в направлении расширения его содержания и, тем самым, сферы применения.

Либо, согласившись с предложениями о необходимости предусмотреть целесообразность в числе принципов уголовного права (законодательства), разрешать проблему, отдавая приоритет одному из них³. Именно тому, на основании которого разрешение дела (исходя из фактических условий конкретного случая как второго критерия целесообразности) будет в большей мере соответствовать целям и задачам уголовного закона, целям и задачам уголовной политики государства (третий критерий целесообразности). Цели и задачи уголовной политики отражаются, в том числе, в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 2 УК РФ, ст. 6 УПК РФ). Важное место среди них принадлежит защите прав, свобод и законных интересов личности. Уголовно-правовая оценка лишения жизни женщины, совершенного лицом, ошибочно полагавшим, что она находится в со-

¹ Ситникова А. Проблемы квалификации убийства женщины при ошибке в свойствах ее личности // Уголовное право. 2008. № 2. С. 76.

² Бавсун, М. В., Марцев, А. Указ. соч. С. 96.

³ Что ни в коей мере не означает противопоставления законности и целесообразности. В теории права недопустимость противопоставления законности и целесообразности рассматривается как один из принципов законности, в которых отражаются смысл, содержание и роль законности. См.: Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 1997. С. 516.

стоянии беременности, осуществляемая на основе принципа целесообразности, также должна быть дана с учетом указанных выше критериев: задач уголовного законодательства, назначения уголовного судопроизводства, принципа презумпции невиновности и др. Квалификация содеянного по ч. 1 ст. 105 УК РФ большей степени отвечает рассматриваемому принципу.

ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н. Ю. Лазарева,
кандидат юридических наук, доцент
(Северо-Кавказская академия государственной службы
г. Ростов-на-Дону)

В толковом словаре указано: «цель — это предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить»¹. Теория уголовного права исходит из такого же понимания, признавая в качестве целей наказания те конечные социальные результаты, достижение которых преследуется путем установления в законе и фактического применения этих мер государственного принуждения². Если вопрос о том, что такое цели наказания решен, то вопрос о том, какие именно цели преследует применение наказания до сих пор остается неоднозначным. Так, некоторые ученые полагают, что такие цели, указанные в ч. 2 ст. 43 УК РФ, как восстановление социальной справедливости и исправление осужденного, вообще неприемлемы: первая — из-за заложенной в ней порочной идеи возмездия, вторая — за нереальность³. Действительно, приходится признать, что достижение целей наказания не всегда возможно. Проведенный анализ приговоров, вынесенных судами Ростовской области по делам о взяточничестве, тому подтверждение.

Напомним, что согласно уголовному законодательству за получение взятки (ст. 290 УК РФ) возможно назначение таких видов наказания, как штраф, лишение свободы, лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью (причем, последнее может назначаться только в качестве дополнительного). Дача взятки (ст. 291 УК РФ) карается также штрафом и лишением свободы, а также исправительными работами и арестом. С учетом того, что арест в настоящее время не исполняется, а исправительные работы могут быть назначены только лицам, не имеющим

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 905

² Уголовное право. Общая и Особенная части/Под ред. М. П. Журавлева и С. И. Никулина. М., 2007. С. 2007. С. 187

³ Шестаков Д. А. Наказание по уголовному кодексу Российской Федерации: признаки кризиса//Криминология: вчера, сегодня, завтра. Бишкек, 2003. С. 14–15